

СВЯЗЬ ВРЕМЕН: ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

УДК 94(410)

А. СТЕПЛТОН ОБ ОСНОВАНИЯХ МИРОПОРЯДКА, ПРАВЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОЛОНИАЛЬНЫХ ВОЙНАХ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (из истории общественной мысли викторианской Англии)

© **Наталья Владимировна ДРОНОВА**

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры
всеобщей истории, e-mail: dronova_n@mail.ru

Актуальность темы исследования определяется востребованностью изучения комплекса представлений о принципах мироустройства, войны и мира как существенного фактора влияния на общественно-политическую жизнь и внешнюю политику государств. Проблема рассматривается на примере взглядов британского публициста и общественного деятеля Аугустаса Гренвилля Стэплтона (1800–1880). Особое внимание уделяется анализу идеологически и цивилизационно обусловленной специфики представлений о праве и справедливости применительно к колониальным войнам Великобритании средневикторианской эпохи. Позиция А. Степлтона соотнесена с контекстом становления системы международного права в середине XIX в. и особенностями эволюции юридической мысли в Великобритании. Показано, что А. Степлтон подверг критике многие стереотипы мышления и расовые предубеждения современников и считал правомерным и справедливым применение единого подхода в осуществлении политики по отношению к «цивилизованным» и «нецивилизованным» странам в межгосударственных конфликтах. Осуществленный анализ позволил сделать выводы о том, что суждения А. Степлтона, нетипичные для массовых настроений в британском обществе, являются своеобразным индикатором состояния общественного сознания Великобритании и распространенных стереотипов отношения к вопросу применения силы в осуществлении имперской политики с позиции морали и права. Отмечена перспективность дальнейшей разработки данной проблемы на междисциплинарной основе.

Ключевые слова: внешняя и имперская политика Великобритании; миропорядок; колониальная война; представления о праве и справедливости; международное право; общественная мысль; А. Степлтон.

DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-122-131

Изучение истории вооруженных конфликтов в имперском прошлом Великобритании опирается на богатую историографическую традицию и имеет много аспектов. Некоторые из них освещены весьма полно, отдельные нуждаются в дополнительном изучении. Недооцененной и недостаточно исследованной темой до настоящего времени является проблема представлений о праве и

справедливости, влиявших на восприятие реалий войны и мира, на мотивацию и аргументацию принятия принципиальных политических решений о применении военной силы, ход и исход международных и внутригосударственных вооруженных конфликтов. Представления о праве и справедливости применительно к различным сторонам феномена войны и мира – важный индикатор состояния общества, существенный фактор влияния на общественно-политическую жизнь стран, имевших прямое или косвенное отношение к этим событиям. История Британской империи дает тому множество крас-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00390) в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена.

норечивых и поучительных примеров. Предметом нашего академического интереса являются представления о принципах мироустройства, о праве и справедливости, их истоках и содержании применительно к имперской политике Великобритании. Мы сосредотачиваем наше внимание на одном из аспектов имперской истории – т. н. колониальных войнах. Осуществить это предполагается посредством обращения к частному, но яркому примеру – взглядам неординарного, но малоизвестного персонажа викторианской Англии Аугустаса Степлтона.

Определимся с терминологией. До настоящего времени понятие «колониальная война» обычно трактуется в отечественной историографии как «война с целью завоевания или удержания колоний» [1, с. 240]. Мы не видим причин принципиально оспаривать это определение, но считаем необходимым дополнить эту формулу важным уточнением. Оно является производным от концепции имперской экспансии, выдвинутой кембриджскими историками Р. Робинсоном и Дж. Галлахером [2, р. 3; 3] еще в середине XX в. Среди множества высказанных ими оригинальных идей для наших дальнейших рассуждений особое место имеет предложение дифференцировать империю «формальную» или «легальную» и «неформальную», не имевшую политически и юридически определенных форм, но находящуюся под экономическим, культурным и дипломатическим влиянием Лондона. К настоящему времени такой подход стал уже общепризнанным [4, р. 110-111]. Это позволяет нам включить в число «колониальных войн» вооруженные конфликты, которые осуществлялись в процессе завоевания и удержания не только собственно колоний разного типа (формальной империи), но и тех войн, которые влекли за собой расширение неформальных сфер имперского влияния. Таким образом, к числу «колониальных войн» мы можем отнести, например, войны, которые вела Великобритания с Афганистаном в XIX в., опиумные войны с Китаем, подавление восстания сипаев в Индии в 1857–1859 гг. и т. д. Именно в этом смысле мы и будем оперировать вынесенным в заголовок статьи понятием «колониальные войны Британской империи».

В качестве отправной точки наших рассуждений отметим очевидное: Британия в

середине XIX в. занимала исключительное место великой державы в системе международных отношений по ее возможностям, геополитическим претензиям и специфике ее внешнеполитической активности [5]. Ее суверенитету в пору наивысшего могущества империи извне никто не угрожал. Вслед за Э. Хобсбаумом повторим емкую характеристику Великобритании середины XIX в. как страны, «превосходство которой было абсолютным», т. к. «больше не осталось колониальных держав кроме Британии, и соответственно не было соперников. <...> Никогда во всей мировой истории мировое господство не было в руках одной державы, а Британия была такой державой в середине XIX в., <...> поскольку ни одна держава не способна была претендовать на исключительный статус – «мировая мастерская» [6, с. 411-412]. Все это наложило отпечаток на мироощущение обитателей Альбиона, их отношение к проблемам войны и мира. Приведем известную формулу еще одного знаменитого британского историка Дж. М. Тревельяна: викторианская Англия, целое столетие не подвергавшаяся серьезной внешней опасности, была «штатской» страной по образу мысли и политической практике. Англичанин обо всем привык думать в условиях безопасности и мира. Для него «иностранные дела были отраслью либеральной и консервативной политики, слегка окрашенной эмоциями, делом вкуса, а не вопросом существования» [7, с. 579-580]. Тому же способствовала недооценка либералами фактора территории в системе консолидирующего общества ценностей [8, р. 115], одним из практических проявлений которой был известный тезис о нежелательности расширения территорий. Остается резюмировать, что в конечном итоге все перечисленное трансформировалось в отстраненность массы британцев от внимания к проблемам внешней политики. А. Степлтон, о котором далее пойдет речь в данной статье, определял это состояние метафорично и жестко – как «паралич» и «летаргию» [9, р. 262, 272], не усматривая в этом для общества никаких достоинств. Разумеется, абсолютизировать данное состояние общественного настроения не стоит. При отсутствии прямой угрозы «алтарям и очагам» в истории средневикторианской Британии несложно обнаружить эпизоды, несшие высо-

кую политическую милитаристскую и пропагандистскую нагрузку – например, периодические обострения массовых русофобских настроений. Но их обусловленность конкретными обстоятельствами лишь подчеркивает общее состояние общественного сознания.

В первой половине XIX – 60-х гг. XIX в. формальная и неформальная империи Британии неуклонно расширялись, обретали особый размах и новое качество. Инструментарий этого процесса имел много вариантов, но применение военной силы в арсенале средств обеспечения национальных интересов никогда не исключалось. Средневикторианская Англия вела немало локальных войн на имперской периферии. География участия британских вооруженных сил в реализации британских интересов на Востоке обширна: англо-афганская война 1838–1842 гг., англо-бирманские войны 1824–1826 и 1852 гг., опиумные войны с Китаем 40–60-х гг. XIX в., англо-сикхские войны 40-х гг. XIX в., подавление сипайского восстания 1857–1859 гг. Этот ряд может быть продолжен.

Изучение истории войн XIX в. неизбежно предполагает апелляцию к правовому базису вооруженных конфликтов. Специалисты в области истории права определяют рубеж 60–70-х гг. XIX в. как начало нового этапа в истории европейской правовой мысли, имевшего фундаментальное значение для становления системы правового регулирования международных отношений [4, р. 11-97]. Это было ответом на совершающиеся перемены в соотношении сил и приоритетов в мировой политике. Со времени Венского конгресса и до 60-х гг. XIX столетия Европа переживала один из самых продолжительных относительно «мирных» периодов своей истории. В основе организации и регулирования миропорядка в течение нескольких десятилетий лежали принципы, основанные на геополитических интересах и политической воле великих держав, закрепленных в межгосударственных договорах. Со второй половины столетия стала ревизоваться обычная для начала XIX в. практика – мотивация и реализация внешнеполитических шагов, основанная на аргументах провиденциального или морального характера. Известный британский правовед первой половины XIX в. Р. Филлимор определял ее как стремление государства «облечь реалии в оболочку абст-

рактной идеи справедливости» [10, р. 49]. В современной научной литературе отмечается, что в общем контексте развития общеевропейских – «континентальных» – тенденций развития правовой системы аналогичный процесс осмысления и разработки принципов международного права в Великобритании имел свои существенные особенности [11, р. 65-90]. Британские юристы, как, например, Дж. Лоример или сэр Роберт Филлимор больше, чем их коллеги из «континентальных» школ международного права, апеллировали к «Божьей воле и естественным правам». Примем во внимание вывод, который делает в объяснение этого феномена финский исследователь М. Коскенниemi: «Империя никогда не является сторонницей международного права, которое может только служить препятствием для удовлетворения ее амбиций» [4, р. 34]. Добавим к этому, что разработки в области внешнеполитической мысли Британии, которые могли бы обогатить наши знания по целому комплексу близких к теме нашего исследования проблем, в настоящее время пока имеют в своем активе немногие обобщающие труды [12]. Это делает особенно важным для историка изучение различных аспектов колониальных войн – политических, правовых и моральных – на междисциплинарной основе.

Анализ политической риторики в связи с колониальными войнами, которые вела Британская империя, порождает немало вопросов о принципах и подходах, которые освещали применение силы в деле строительства империи. Не меньшее значение имеет осмысление тех случаев, когда политики почитали благом отказаться от него и аргументировали это. Безусловную ценность имеют для исследователя свидетельства современников, прямо или косвенно касающиеся этого тонкого предмета – речи политиков, трактаты военных, сочинения публицистов – и звучащие в общем хоре, и выделяющиеся из него. Аугустас Гренвилль Стэплтон (1800–1880) [13, р. 94-95] относится именно к их числу. У этого плодовитого автора сложилась в глазах современников вполне заслуженная репутация человека, сведущего в проблемах международных отношений. Карьера А. Стэплтона началась еще в 1823 г. со службы в качестве личного секретаря Дж. Каннинга – в ту пору министра иностранных дел, биогра-

фом которого он впоследствии стал. Основательная, хорошо документированная биография Дж. Каннинга принесла ему общее признание. Известен был А. Степлтон и как сочинитель «памфлетов на темы внешней политики», которые он в 1850-х гг. публиковал по большей части в газете “Morning Herald”, подписывая их “Lex Publica” [13, p. 94]. Для полноты картины добавим, что внешнеполитическими сюжетами творчество автора не исчерпывалось.

В 1866 г. в известном лондонском издательстве Джона Мюррея в свет была выпущена объемистая книга, принадлежавшая перу А. Стэплтона, названная им «Вмешательство или невмешательство или Внешняя политика Великобритании с 1790 по 1865 гг.» [9]. Ее можно считать плодом многолетнего творчества автора. В дополнение к оригинальному тексту автор поместил в приложении [9, p. 279-308] ряд статей, опубликованных десятилетием ранее в уже упомянутой газете “Morning Herald”. А. Степлтон разместил их в общем ряду со специально написанными для этого издания блестящими эссе, посвященными тем эпизодам политики Великобритании времен Пальмерстона, которые он определил как случаи «вмешательства в дела других государств» в Испании, Португалии, Чили, в Крымской войне и в связи с восстанием сипаев в Индии. Мы не ставим задачу анализа всего сочинения А. Степлтона в целом. В силу специфики исследовательской задачи нами востребован лишь тот аспект рассуждений А. Степлтона, который касается фактов применения силы в отношениях Великобритании с государствами Азии – тем, что мы условились именовать «колониальными войнами». Африканский сюжет им практически не проработан, чрезвычайно лапидарен и поэтому мы исключаем его из доказательной базы настоящей статьи.

В практике применения силы в международных отношениях А. Степлтона занимала не столько формально-правовая составляющая (хотя он ее и держал в поле зрения), сколько проблема политической воли, помноженной на моральные принципы. А. Степлтон аргументирует свои рассуждения, основываясь на реальных фактах внешнеполитической практики, оценивая конкретные эпизоды действий Великобритании в разных частях света за более чем полувеко-

вой период истории. Автор закладывает этот принцип в основу структуры книги: она состоит из трех частей: «Европа», «Азия» и «Америка – Африка». В оценке содержательной части концепции А. Степлтона принципиально важна занятая им бескомпромиссная позиция: отношения с любыми государствами должны быть основаны на единых принципах. «Это – долг честного и достойного государства, который должен быть исполнен любой ценой, потому что это долг» [9, p. 5]. «Часто случается, – пишет автор, – что правительства трактуют принципы международного права так, как им удобно в настоящий момент», а не исходя из «правды и справедливости» [9, p. 4]. Принципиальный посыл А. Степлтона для доказательства этой идеи состоял в том, что единственным принципом, который делал возможным само существование «слабых государств», является принцип невмешательства, который он считал «важнейшим из числа норм международного права» [9, p. 6]. В этом смысле он, иначе поставив свою задачу и основываясь на иной фактической базе, по сути, выражает солидарность с уже упомянутым Р. Филлимором, изложившим свои рассуждения о правовых основаниях для вмешательства в международных отношениях [10, p. 314-346]. Если Р. Филлимор концентрировался на аргументации правовых мотивов «вмешательства», то А. Степлтона больше занимала оборотная сторона проблемы – невмешательство.

Случаи вмешательства если и могут быть допустимыми, утверждает А. Степлтон, то не иначе как на основании мотива, который создает *casus belli* (отметим, что в первой части книги он их анализирует применительно к обстоятельствам применения вооруженных сил в Европе). Альтернативы этому подходу, заключает он, нет. «Если допустить, – пишет А. Степлтон, – что каждое могущественное государство имеет право к своей выгоде насильственно вмешиваться во внутренние дела своих слабых соседей, то, очевидно, слабое государство действительно независимым быть не сможет. Постоянное и повсеместное нарушение данного принципа установит «право сильнейших» [9, p. 6]. Он крайне негативно оценивает в этом смысле военную активность Великобритании на Востоке. Пренебрежение этим нравственным правилом, возведенным в принцип политики

по отношению к «слабым» – Афганистану, Индии, Бирме, Сиаму, Японии – делало, по мнению А. Степлтона, «не единожды политику британского правительства губительной для высших интересов мира» [9, р. 270].

А. Степлтон отмечает, что в британском обществе принято полагать принципы «права и справедливости, которые юристы пытаются воплотить в качестве норм международного права», неприменимыми по отношению к народам Азии. Это глубоко укоренилось в сознании, обросло различными «правдоподобно выглядящими максимами», которые служат оправданием «непростительных действий» по отношению к азиатам [9, р. 157]. Одним из самых распространенных убеждений такого рода А. Степлтон называет идею, что «варварство должно уступить цивилизации». Таким образом, война с «варварами» – здесь А. Степлтон ссылается на слова лорда Пальмерстона, произнесенные им 3 мая 1864 г. (т. е. в период тайпинского восстания в Китае, в подавлении которого непосредственное участие принимали британцы. – *Н. Д.*), – превращается в «естественное и обыденное дело в истории отношений высоко цивилизованного народа» с «полуцивилизованным» [9, р. 158]. Другим убеждением, по мнению автора, было то, что «единственный понятный для азиатов язык – это язык силы». Поэтому, продолжал А. Степлтон, достойная осуждения позиция британских политиков была такова: «применять силу по отношению к ним (азиатам. – *Н. Д.*) законно», когда в этом возникает необходимость [9, р. 158].

Наконец, еще одним мотивом, которым его соотечественниками оправдывали применение силы в колониальных войнах, А. Степлтон называет убеждение в том, что «злобные, фальшивые, безнравственные и жестокие» азиаты должны быть наказаны, и что британцы «избраны свыше для выполнения этой божественной миссии» [9, р. 158]. Он задается риторическим вопросом: «могут ли разумные существа, считающие себя христианами, предполагать, что такие деяния и объяснения «угодны Богу», а «кровавое насилие, допущенное в Азии», не нашло бы осуждения как несправедливость, жестокость и незаконие, свершись оно в Европе» [9, р. 158-159]. А. Степлтон ссылается на авторитет Б. Паскаля: «Абсурдна справедливость,

которая ограничивается рекой или горой» [9, р. 159].

А. Степлтон подробно излагает драматичные страницы истории британского проникновения в Азию. Войну с Афганистаном (1838–1842 гг. – *Н. Д.*) он называет «самой печальной страницей истории Британской Индии» [9, р. 163] и не жалеет мрачных эпитетов для описания этих событий. Но при этом заявляет: закрыть глаза на это нельзя, потому как осуществленное Британией попрание справедливости и международного права служит грустным примером для подражания [9, р. 163]. «Катастрофические результаты» афганской политики, о которой англичане практически пребывают в неведении, считает А. Степлтон, являют собой пример «прямого нарушения международного права, тех принципов справедливости, которые должны почитаться священными». «Это был еще один шаг на пути к утверждению в мире «права сильного» [9, р. 169]. Отметим, что тема несправедливости колониальных войн для А. Степлтона была не нова. В анализируемый нами труд автором была включена статья, написанная для “Morning Herald” – еще в 3 октября 1857 г. в связи с сипайским восстанием. В ней политика Британии на Востоке была им названа «национальным преступлением», войны со странами Азии «незаконными, мошенническими, хуже того, основанными на эгоистических желаниях прирастить территории» [9, р. 308].

Ограничимся уже приведенными примерами из обширного сочинения А. Степлтона: имеющиеся в нем китайские, индийские, бирманские, сиамские, японские сюжеты содержат многочисленные примеры военных акций, явленных при этом «эгоизме» и «жестокости» британцев. Они объединяются очень сходными оценками, которые придают им ощущение критической массы совершаемого аморального деяния. А. Степлтон, будучи свободным от ограничений жанра научного сочинения в области права, мог позволить себе эмоциональные и полемически острые суждения. Заметим, что А. Степлтон призывает британцев «к покаянию и исправлению» – дабы не совершилось возмездие, «которого в полной мере заслуживают наши грехи», чтобы они «не пали на головы наших детей, наших потомков в третьем и четвертом поколении» [9, р. 241]. Эпатирующим

был сделанный им вывод, который, ввиду значимости для раскрытия сюжета, приведем без купюр. А. Степлтон заявил, что в современном ему обществе наличествуют «два знаменательных феномена: 1) что «право силы» без каких-либо моральных ограничений теперь правит на трех четвертях земного шара; 2) что Великобритания более не пользуется уважением и доверием – ее государственные мужи утратили то моральное влияние, которое, также как чувство страха, служит ограничением для недобропорядочных правительств в их недостойных деяниях» [9, р. 270].

Справедливости ради укажем, что А. Степлтон через всю книгу подспудно – пунктиром – проводит еще одну линию – о российской внешней политике в первой половине 60-х гг. XIX в. Он находит немало содержательных параллелей с действиями Британии в ее азиатской политике. Но сюжет о «русской» экспансии в книге вторичен. К нему автор обращается эпизодически, но он заслуживает того, чтобы быть отмеченным. Назначение его, как нам представляется, во-первых, служить доказательством общности используемых империями инструментов реализации их геополитических интересов и приемов политической риторики, а во-вторых, свидетельством универсализма защищаемых им, т. е. А. Степлтоном, принципов отношений между любыми государствами. Пафос книги А. Степлтона в том и состоит, чтобы подвергнуть осуждению политику великих держав именно за пренебрежение категориями права и справедливости в политической практике, особенно в вопросах применения военной силы.

Отдадим дань широкой эрудиции автора. У него был богатый политический опыт и острая наблюдательность журналиста. Он знал «политическую кухню» Британии изнутри. Труд А. Степлтона свидетельствует не только о глубоком знании фактической стороны событий военной и дипломатической истории, но и исканий в области международного права. Это особенно важно применительно к интересующей нас проблеме (еще раз заметим, что международное право как специальная отрасль знания только формировалась). Обратим внимание на его чувство актуального в выборе сюжетов, что с временного отдаления даже можно назвать по-

литической прозорливостью. Автором была избрана обостренно жесткая и персонифицированная манера изложения. Заявив на первых страницах о намерении донести до массы соотечественников, безразличных к делам внешней политики, свои мысли, он декларировал намерение «говорить правду и ничего кроме правды» [9, р. iv], без церемоний называл виновников злодеяний из числа видных британских политиков и военных.

Как мы видим, обвинения А. Степлтоном были выдвинуты суровые и обществу, и отдельным персонам. За этим логично было бы ожидать бурной реакции тех самых «утративших моральный авторитет политиков»: многие из числа причастных к изложенным событиям, в т. ч. из совсем недавнего прошлого, были живы. Тем более бросается в глаза, что выражено негодующих или опровергающих откликов, которые можно было бы ожидать, так и не последовало. Нельзя сказать, что книга осталась незамеченной – она анонсировалась [14, 24 Jan., р. 12, 30 Jan., р. 30; 15, 27 Jan., р. 16; 16, 10 Feb., р. 3] и в Лондоне, и в провинции. Сразу после ее выхода в свет 3 февраля 1866 г. в газете “The Examiner” было помещено одним небольшим абзацем – в 10 строк – изложение уже упомянутого пассажа из книги А. Степлтона, сопровождавшееся уточнением, что, по мнению автора, «вся внешняя политика Великобритании после 1830 г. имела разрушительный для мира характер». Заметка сопровождалась комментарием: «английской публике это непонятно», и выражалась надежда, что «мистер А. Степлтон это пояснит в своей книге» [15, 3 Feb., р. 8]. Рецензией такую публикацию считать сложно. Удалось обнаружить еще один отклик – в эдинбургской “The Edinburgh Evening Courant” от 21 марта 1866 г. Автора упрекнули в издержках стиля – «трудночитаемого и вялого» (с этим сложно согласиться. – *Н. Д.*), усмотрели в соображениях и аргументах А. Степлтона скорее межпартийную политическую пикировку. У последнего заключения были свои резоны: в это время в обществе шли острейшие дебаты в связи со второй избирательной реформой, и любые публичные акции обретали особый смысл при рассмотрении через призму решения агитационных задач. Итоговое резюме заметки крайне принижало уровень критики: вся эта книга, по мнению анонимного корреспондента,

пондента, квалифицировалась как «несерьезная пустопорожняя болтовня» [17, 21 March, p. 4]. Заметим, что такой прием дискредитации политического оппонента применялся нередко, хотя сам А. Степлтон, кстати, на депутатское место не претендовал. Но он подвергал резкой критике принципы внешней политики либералов и этим поневоле оказывался вовлеченным в избирательную кампанию. Перечисленными эпизодами реакция в британской прессе на публикацию А. Степлтона была исчерпана. Остается предположить, что высказанные А. Степлтоном суждения не «задели за живое» соотечественников и не вызвали стремления оспорить его тезисы или ответить на обвинения.

Более серьезно было оценено сочинение А. Степлтона в России. Его несколькими годами позднее отметил в ту пору начинающий русский юрист, специалист в области международного права, в будущем профессор Московского университета Л.А. Камаровский [18, с. 52-55]. Показательно то, что Л.А. Камаровский счел возможным поставить публицистический, по сути, труд А. Степлтона в ряд с фундаментальными произведениями известных знатоков в области международного права – Р. Вильдмана и Р. Филлимора, подчеркнуть его оригинальность и практическую ценность. Более нам не удалось обнаружить в трудах авторов XIX в. и современной научной литературе обращений к персоне А. Степлтона и, соответственно, анализа его взглядов. Это, отчасти, объяснимо. А. Степлтон не принадлежал к профессиональному сообществу юристов, чтобы привлечь внимание историков права. Обозначенный им ракурс проблемы не давал оснований отнести его к авангарду европейской континентальной и британской правовой мысли середины 60-х гг. XIX в. [11]. Еще раз повторим: его сочинение является в первую очередь публицистическим. Так почему же политические эскапады А. Степлтона его современники практически проигнорировали?

Высказанные А. Степлтоном идеи можно рассмотреть с разных сторон. Их можно оценить с позиции места его идей в общем контексте представлений о правилах, на которых может и должна опираться внешняя политика в целом. Это же касается мотивов, средств и методов ведения колониальных войн. По мнению А. Степлтона, политика,

основанная не на следовании одинаково трактуемому закону, а на волевых решениях, допускающих отступления от принципов морали, – путь к катастрофе. Согласимся с метким замечанием современного кембриджского историка Д. Белла: доминирование в первой половине XIX в. в Англии либеральной идеологии породило своеобразный оптимистичный тип «либерального интернационализма», следствием чего являлось ожидание, что миром будут управлять правила морали, а не «логика беспощадного военного противостояния с непрекращающимися конфликтами» [19, p. 9]. А. Степлтон апеллировал к очевидному для викторианской либеральной этики принципу – универсализации правил, призванных регулировать весь комплекс отношений в социуме. Распространение их на сферу внешней и колониальной политики с точки зрения формальной логики не должно было бы вызывать концептуальных возражений, и как мы знаем, и не вызывало. Дело, видимо, было в ином. А. Степлтон выступил против тех подходов и правил, которыми десятилетиями оперировали британские политики в принятии решений о войне и мире, но которые постепенно входили в логическое противоречие с реалиями времени, с утверждающимися в правовом сознании позитивистскими представлениями о соотношении права и закона, права и морали, права и долга, права и принуждения. Важно отметить, что международное право в первой половине XIX в. трактовалось британскими политиками и юристами не как норма закона, предполагающая безусловное ее выполнение, а как вопрос политической практики [11, p. 66]. Этот взгляд на международное право стал своего рода стереотипом политического мышления средневикторианской эпохи. В границы противоречия между идеальным и реальным и попадают пафосные обличения А. Степлтона, обращенные как к элите, так и к массе рядовых «аполитичных современников». Мы можем, таким образом, констатировать еще один пример вступления этики либерализма и «честной игры» по его правилам в противоречие с потребностями общества.

Также на неблагоприятную почву падали рассуждения А. Степлтона об универсализации подходов к решению вопросов войны и мира для «Запада» и «Востока». Они оказывались обращенными к аудитории, не гото-

вой к тому, чтобы принять его призывы и разделить обвинения, т. к. в массе своей она руководствовалась теми самыми идеологическими клише, которые были привычны и воспринимались естественным порядком вещей. Это несоответствие между сакральной для либерала идеей всеобщего равенства и убеждением викторианца в британской исключительности по отношению ко «всему остальному миру», ставшее практически общим убеждением, удачно сформулировал американский исследователь У. Сингх Мехта. Он пояснил на примере политики Б. Дизраэли безусловное доминирование в обществе идеи превосходства «права англичанина» над «правами человека» [8, р. 50], справедливо отметив исключительную жизнестойкость этого стереотипа. Идея цивилизационного превосходства европейцев над «остальным миром» в качестве закона природы являлась фундаментальным концептом, лежавшим в основе теории и практики европейского колониализма и империализма, определяла этические принципы и практические действия первых по отношению ко вторым [19, р. 9-10; 20, р. 13]. Для наших рассуждений о мотивации колониальных войн в имперской политике Великобритании это имеет исключительно большое значение. В этой системе координат вряд ли возможно было ожидать бурной общественной реакции на критицизм А. Степлтона и его призывы вести войны с «варварами» на тех же основаниях права и морали, закона и справедливости, что и в Европе. Определим этот феномен условно «эффектом белой вороны».

Труд А. Степлтона, таким образом, позволяет лучше понять характер распространенных в английском обществе, его политической элите представлений о характере внешней политики своей страны, о практике применения вооруженных сил в процессе строительства империи. В рассуждениях автора о принципах и основаниях вмешательства и невмешательства в теории и практику международных отношений содержится важный акцент на понимании права (не столько как юридической нормы, сколько как нравственной категории) и справедливости в вопросах войны и мира. А. Степлтон был пристрастным автором. Он объявлял о готовности «снести гнев, отвращение и обвинения в клевете на свою страну», если кто-

то надумает их выдвинуть [9, р. 273]. Но вынося нравственный вердикт политике и политикам своей страны, чьи взгляды он не разделял, А. Степлтон, по сути, ревизовал не чью-то персональную точку зрения, но шире – конструкты массового сознания. Это и заслуживает особого внимания исследователей: книга А. Степлтона привлекательна и репрезентативна не столько тем, что в концентрированном виде содержит изложение его взглядов на проблемы войны и мира, принципы внешней политики Великобритании, критерии справедливости, самого права сильных великих держав применять силу. Он отверг привычные для слуха викторианца расхожие суждения о праве сильного, взял на себя смелость «с фактами в руках» препарировать, как он сам пишет, «сканировать» [9, р. v] устоявшиеся стереотипные представления, лежавшие в основе мотивации при принятии политических решений. А. Степлтон принципиально закладывает в основу рассмотрения вопроса о праве вмешательства в международных отношениях проблему о цивилизационной принадлежности субъектов права. Он уравнивает с точки зрения применения принципа невмешательства как общей нормы в международных отношениях, что он считал безусловно справедливым, все страны и все народы. То есть с его точки зрения к колониальным войнам должны быть применены все те же подходы, что и к любым другим межгосударственным конфликтам. Это было весьма неординарным суждением для своего времени.

Все это делает сочинение А. Степлтона чрезвычайно важным источником для наших размышлений о представлениях викторианцев о войне и мире, о праве и справедливости в отношении военных конфликтов на имперской периферии. Добавим, что размышления А. Степлтона являются ценным свидетельством эволюции внешнеполитической и юридической мысли, примером попытки ревизии имперской идеологии и имперской внешней политики с позиций позитивизма, что может стать предметом специального рассмотрения. Пока в этом направлении предприняты только немногие шаги [21], не исчерпавшие проблему. Остается добавить, что в силу всего сказанного А. Степлтон очевидно заслуживает того, чтобы быть выведенным из разряда «забытых» персонажей интеллектуальной

истории Великобритании – пусть не первого, но второго ряда, что не умаляет важность и ценность его суждений для исследования многогранной духовной и политической жизни викторианской эпохи.

1. Советская военная энциклопедия: в 8 т. М., 1979. Т. 4.
2. *Gallagher J.A., Robinson R.E.* The Imperialism of Free Trade // *Economic History Review*. 2 Series. 1953. Vol. 6. P. 1-15.
3. *Robinson R., Gallagher J.* Africa and the Victorians: The Official Mind of Imperialism. London; New York, 1961.
4. *Koskenniemi M.* The Gentle Civilizer of Nations: the Rise and Fall of International Law. 1870–1960. Cambridge, 2004.
5. *Дронова Н.В.* Концепт «великой державы» в политической риторике Б. Дизраэли // Чичеринские чтения. Великие державы в контексте мирового политического процесса: история и современность: материалы Международной интернет-конференции. Тамбов, 2012. С. 15-20.
6. *Хобсбаум Э.* Век революции. Европа 1789–1848. Ростов н/Д, 1999.
7. *Тревельян Дж.М.* Социальная история Англии. М., 1959.
8. *Mehta U. Singh.* Liberalism and Empire: a Study in Nineteenth-Century British Liberal Thought. Chicago, 1999.
9. *Stapleton A.G.* Intervention and Non-intervention; or the Foreign Policy of Great Britain from 1790 to 1865. L., 1866.
10. *Phillimore R.* Commentaries upon International Law: in 4 vols. Philadelphia, 1854. Vol. 1.
11. *Lobban M.* English Approaches to International Law in the Nineteenth Century Time, History and International Law / ed. by M. Craven, M. Fitzmaurice, M. Vogiatzi. Leiden, 2007. P. 65-90.
12. British International Thinkers from Hobbes to Namier / ed. by I. Hall, L. Hill. L., 2009.
13. Dictionary of National Biography: in 60 vols. L., 1898. Vol. 54.
14. Pall Mall Gazette. 1866 // The British Newspaper Archive. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 12.07.2015).
15. The Examiner. 1866 // The British Newspaper Archive. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 12.07.2015).
16. Staffordshire Advertiser. 1866 // The British Newspaper Archive. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 15.07.2015).
17. The Edinburgh Evening Courant. 1866 // The British Newspaper Archive. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 12.07.2015).

[britishnewspaperarchive.co.uk/](http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/) (accessed: 18.07.2015).

18. *Камаровский Л.А.* Начала невмешательства. Рассуждения. М., 1874.
19. Victorian Visions of Global Order: Empire and International Relations in Nineteenth-Century Political Thought / ed. by D. Bell. Cambridge, 2007.
20. *Hunter I.* Global Justice and Regional Metaphysics: On the Critical History of the Law of Nature and Nations // Law and Politics in British Colonial Thought: Transpositions of Empire / ed. by D.Sh. Shaunnagh, I. Hunter. N. Y., 2010.
21. *Claers G.* Imperial Sceptics: British Critics of Empire, 1850–1920. Cambridge, 2010.

1. Sovetskaya voennaya entsiklopediya: v 8 t. M., 1979. T. 4.
2. *Gallagher J.A., Robinson R.E.* The Imperialism of Free Trade // *Economic History Review*. 2 Series. 1953. Vol. 6. R. 1-15.
3. *Robinson R., Gallagher J.* Africa and the Victorians: The Official Mind of Imperialism. London; New York, 1961.
4. *Koskenniemi M.* The Gentle Civilizer of Nations: the Rise and Fall of International Law. 1870–1960. Cambridge, 2004.
5. *Dronova N.V.* Kontsept “velikoy derzhavy” v politicheskoy ritorike B. Dizraeli // Chicherinskie chteniya. Velikie derzhavy v kontekste mirovogo politicheskogo protsesssa: istoriya i sovremennost’: materialy Mezhdunarodnoy internet-konferentsii. Tambov, 2012. S. 15-20.
6. *Khobsbaum E.* Vek revolyutsii. Evropa 1789–1848. Rostov n/D, 1999.
7. *Trevel'yan Dzh.M.* Sotsial'naya istoriya Anglii. M., 1959.
8. *Mehta U. Singh.* Liberalism and Empire: a Study in Nineteenth-Century British Liberal Thought. Chicago, 1999.
9. *Stapleton A.G.* Intervention and Non-intervention; or the Foreign Policy of Great Britain from 1790 to 1865. L., 1866.
10. *Phillimore R.* Commentaries upon International Law: in 4 vols. Philadelphia, 1854. Vol. 1.
11. *Lobban M.* English Approaches to International Law in the Nineteenth Century Time, History and International Law / ed. by M. Craven, M. Fitzmaurice, M. Vogiatzi. Leiden, 2007. P. 65-90.
12. British International Thinkers from Hobbes to Namier / ed. by I. Hall, L. Hill. L., 2009.
13. Dictionary of National Biography: in 60 vols. L., 1898. Vol. 54.
14. Pall Mall Gazette. 1866 // The British Newspaper Archive. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 12.07.2015).

15. The Examiner. 1866 // The British Newspaper Archive. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 12.07.2015).
16. Staffordshire Advertiser. 1866 // The British Newspaper Archive. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 15.07.2015).
17. The Edinburgh Evening Courant. 1866 // The British Newspaper Archive. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 18.07.2015).
18. *Kamarovskiy L.A.* Nachala nevmeshatel'stva. Rassuzhdeniya. M., 1874.
19. Victorian Visions of Global Order: Empire and International Relations in Nineteenth-Century Political Thought / ed. by D. Bell. Cambridge, 2007.
20. *Hunter I.* Global Justice and Regional Metaphysics: On the Critical History of the Law of Nature and Nations // Law and Politics in British Colonial Thought: Transpositions of Empire / ed. by D.Sh. Shaunnagh, I. Hunter. N. Y., 2010.
21. *Claers G.* Imperial Sceptics: British Critics of Empire, 1850–1920. Cambridge, 2010.

Поступила в редакцию 3.08.2015 г.

UDC 94(410)

A. STAPLETON ON THE GROUNDS OF THE WORLD ORDER, LAW AND JUSTICE IN THE BRITISH EMPIRE COLONIAL WARS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY (from the history of public thought in Victorian England)

Nataliya Vladimirovna DRONOVA, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation, Doctor of History, Professor, Professor of General History Department, e-mail: dronova_n@mail.ru

The relevance of the research topic is determined by the demand for exploring a complex of ideas about principles of world order, war and peace, as an essential factor of influence on social and political life and the foreign policies of the states. The problem is considered basing on the example of views of the British publicist and public figure Augustus Grenville Stapleton (1800–1880). The special attention is paid to the analysis of the ideologically and civilization caused specifics of ideas about the right and justice in relation to colonial wars of Mid-Victorian era. A. Stapleton's position is correlated with a context of formation of system of international law in the middle of the XIX century and features of evolution of legal thinking in Great Britain. It has been shown that Stapleton criticized many of the stereotypes of thinking and racial prejudices of his contemporaries and considered lawful and fair application of the unified approach in the implementation of policies towards the “civilized” and “uncivilized” countries in inter-state conflicts. The analysis carried out led to finding that Stapleton's judgments, atypical for mass moods in the British society, are a peculiar indicator of a condition of public consciousness of Great Britain and widespread stereotypes of the relation to a question of use of force in implementation of an imperial policy from a position of morals and the right. The carried-out analysis allowed draw prospects for further development of this problem on an interdisciplinary basis.

Key words: foreign and imperial policy of Great Britain; world order; colonial war; conceptions of law and justice; international Law; public thought; A. Stapleton.

DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-122-131